

А. А. Куклин ^{а)}, Е. В. Васильева ^{а)}^{а)} Институт экономики УрО РАН

БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: АДАПТАЦИЯ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ¹

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи благосостояния и общественного здоровья населения России в условиях экономической нестабильности. Представлен обзор показателей оценки развития массовых настроений общества, применяемых как в российской практике, так и зарубежной. Раскрыто содержание понятия «социально-психологический потенциал региона» как индикатора общественного здоровья населения. На основании данного понятия сформирован паттерн потенциала. Разработана методика оценки социально-психологического потенциала региона, основная идея которой состоит в интегральном оценивании потенциала региона в целом и в разрезе его отдельных составляющих. Дана оценка состояния потенциала в субъектах РФ. Выявлены характер и сила взаимосвязей между индикаторами благосостояния и уровнем социально-психологического потенциала субъектов РФ на основе построения корреляционных матриц, а также установлены региональные закономерности и тенденции.

Ключевые слова: благосостояние, население, общественное здоровье, социально-психологический потенциал, регионы России

Население формирует важный ресурс страны и является основой ее экономического роста. Значительное влияние на состояние населения оказывают периоды экономической нестабильности. По мнению Н. Римашевской, реформы 1990-х гг. нанесли ущерб социально-демографическому развитию посредством существенного снижения качества условий и уровня жизни, социального напряжения и нестабильности, непреодолимых трудностей адаптации перехода к рынку [1]. Некоторые исследователи попытались связать негативное влияние социальных изменений на здоровье населения с теми деформациями, которые возникли в социально-экономических структурах обществ [2]. У. Коккерхэм, наоборот, настаивает, что виной низкого статуса здоровья населения является традиционный образ жизни населения посткоммунистических стран, который вступает в противоречие с новыми рыночными экономическими отношениями [3]. Однако не вызывает сомнений, что в обществах, переживающих быстрый процесс социально-экономических перемен, разрушается сфера смыслов и теряется воля к жизни. Неспособность адаптироваться к новым условиям вызывает у населения состояние неуверенности в завтрашнем дне и непонимание стратегии правильного поведения в новых обстоятельствах. Социальный стресс, обусловленный резким снижением качества жизни населения,

является первопричиной резкого повышения смертности населения России, снижения рождаемости и развития острого демографического кризиса [4, 5].

Экономические последствия кризисов нивелируются гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации населения, что отражается в тенденциях суицидальной активности населения [6-10]. За период 1990–1995 гг. распространенность самоубийств в России возросла в 1,6 раз (рис. 1). Несмотря на позитивную тенденцию снижения с начала 2000-х годов, среднероссийский показатель смертности от самоубийств превышает предельно-критическое значение, установленное ВОЗ (20 случаев на 100 тыс. населения).

Причем как динамика, так и уровень распространения самоубийств являются дифференцированными для регионов России. В 2013 г. смертность от преднамеренных самоповреждений по России варьировалась от 5,5 в Северо-Кавказском федеральном округе до 31,4 чел./100000 чел. нас. в Сибирском федеральном округе. Такая резкая региональная дифференциация по социально-психологическому состоянию населения определяет различные адаптационные возможности населения региона к социально-экономическим и политическим преобразованиям, а в конечном счете — формирует благосостояние населения регионов России.

Характеризуя уровень благосостояния российского общества, Н. Римашевская отметила,

¹ © Куклин А. А., Васильева Е. В. Текст. 2015.

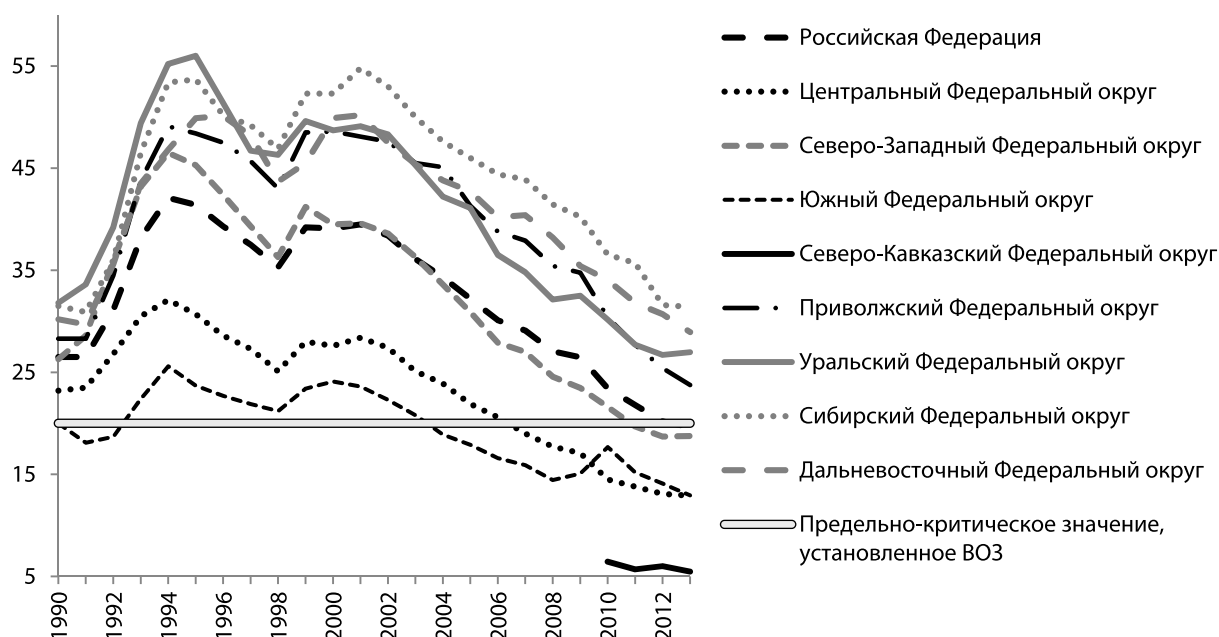

Рис. 1. Динамика смертности от преднамеренных самоповреждений (самоубийств) по федеральным округам РФ за 1990–2013 гг., чел. на 100000 чел. населения

что социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении числа самоубийств [11]. С целью подтверждения (или опровержения) данного тезиса необходимо оценить зависимость между благосостоянием и общественным здоровьем населения региона в условиях экономической нестабильности. В статье поставлена и решена задача методологического и методического характера — формализации оценки социально-психологического потенциала регионов России как индикатора общественного здоровья населения.

Обзор литературы

Во многих странах широко применяются общие показатели развития массовых настроений общества, дающие оценку фактической динамики состояния общества и выражающие влияние массового сознания на развитие страны. К таким показателям относятся Consumer Confidence Index, Consumer Sentiment Index, Consumer Comfort Index. Методология построения таких показателей исходит из предпосылки, что частные мнения людей о различных сторонах своей собственной жизни, отношение к экономическим и социальным событиям, которые происходят вокруг них и действующими лицами которых они являются, формируют обобщенную оценку восприятия социально-экономической и политической

действительности. Эта сводная оценка, в свою очередь, является базовой предпосылкой индивидуальных действий частных людей. В совокупности они определяют социально-экономическое поведение всего населения в разных его функциях: как конечного потребителя, как инвестора, как работника. Общий характер этих оценок и, что наиболее важно, тенденции их изменения определяют, насколько благоприятна текущая общественная ситуация с точки зрения дальнейшего социально-экономического и политического развития страны.

В России аналогом Consumer Sentiment Index является Индекс потребительских настроений. Опыт построения и анализа динамики индекса показал, что существует тесная взаимосвязь политических, экономических, общественных оценок и мнений респондентов, в частности, совпадение динамики оценок общественно-политических событий и формирования потребительских настроений в обществе [12]. Это обстоятельство показало возможность построения сводного индикатора общественных настроений, в полной мере учитывающего роль общественно-политических факторов в его формировании. С этой целью во ВЦИОМ был разработан индекс социальных настроений [13]. Было разработано достаточно много индексов, которые на основе опросов общественного мнения позволяют оценить социальное самочувствие и восприятие будущего населением [14–18]. Результаты социологических исследований, бесспорно, являются полезными, но для получения репрезентативных

результатов с учетом региональных особенностей их проведение должно осуществляться регулярно для каждого субъекта РФ. Чтобы избежать искажения представления об окружающей действительности, оценку состояния населения по опросам необходимо проводить в обществе, достигшем определенного уровня своего развития. Как отмечает Л. Беляева, данный уровень предполагает наличие ряда условий:

— в стране сформировались стабильная общественно-политическая ситуация, устойчивый экономический рост;

— в стране сложился достаточный по масштабам, сосредотачивающий в себе значительную часть интеллекта нации средний класс, благополучие которого не вызывает сомнения;

— основные материальные нужды потребления удовлетворены в той степени, когда наступает этап удовлетворения «утонченных, видоизмененных личностных потребностей», на первый план вышли духовные и эстетические потребности;

— человек, оценивающий качество жизни, имеет определенную практику использования альтернативных вариантов. Из исследований известно, что чем меньше семья или отдельное лицо имеют альтернатив для сравнения, тем меньше они ценят качество жизни [19].

Современная российская действительность пока не соответствует ни одному из перечисленных условий. Поэтому при исследовании социально-психологического потенциала нашей страны на современном этапе должен превалировать подход, который с определенной долей условности можно назвать объективным (то есть в основе которого лежат показатели статической отчетности). В рамках такого подхода разработан композитный индекс макropsychологического состояния общества, объединяющий два вторичных индекса — индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых, в свою очередь, интегрирует три первичных индекса [20-21]. В качестве первичных индексов рассматривались показатели, во-первых, релевантные макropsychологическому состоянию общества и выражающие его, во-вторых, оцениваемые количественными показателями, которые имеются в статистических справочниках (число самоубийств, заболеваемость психическими расстройствами, уровень смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств, число убийств, частота разводов, распространенность социального сиротства). Такой подход учитывает не полный спектр сфер жизнедеятельно-

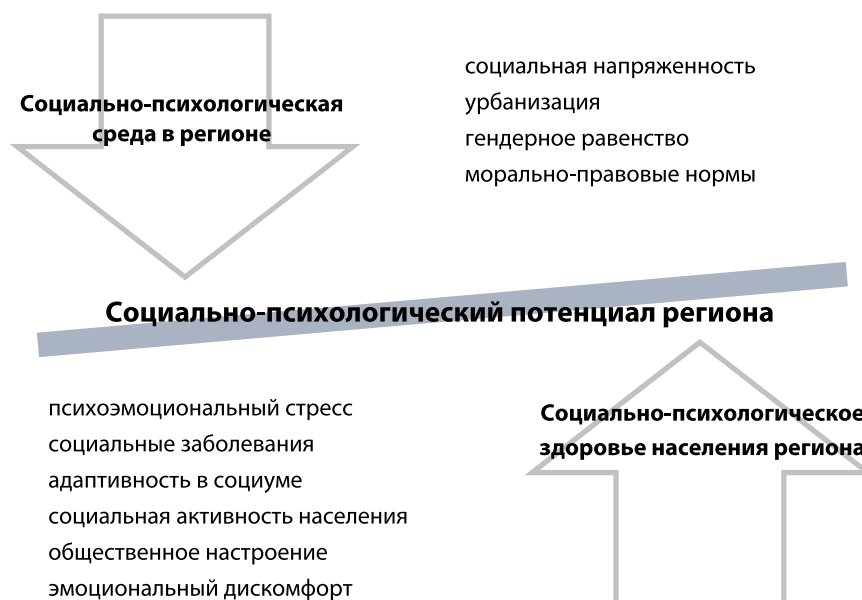
сти населения региона, что затрудняет всесторонний анализ состояния населения регионов России. Попытка М. Морева, В. Поповой его адаптировать и дополнить рядом индикаторов свелась к подбору более доступной статистической информации для регионального уровня [22-23]. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования в этой области, чтобы получить точное представление о социально-психологическом потенциале региона.

Методология исследования

В общем смысле под потенциалом региона понимаются возможности его развития при использовании всего комплекса территориальных ресурсов, особенностей существующей и перспективной структуры его хозяйства, географического положения и других параметров в интересах повышения качества жизни населения региона [24]. Оценка потенциала региона выполняется для определения количества и качества имеющихся ресурсов, выявления сильных и слабых сторон региона в части обеспеченности ресурсами, необходимыми для его развития, и служит инструментом принятия управленческих решений по наиболее эффективному использованию имеющегося потенциала и активизации возможных источников роста конкурентоспособности региона. Под социально-психологическим потенциалом региона понимается совокупность способностей населения региона адаптироваться к воздействию внешних факторов, которая определяет потенциальную возможность развития данного общества и реализации целей социально-экономического развития в интересах повышения качества жизни населения региона.

Среди методологических проблем, связанных с организацией аналитических работ в сфере оценки и анализа социально-психологического потенциала региона, следует указать необходимость его структуризации. С этой точки зрения социально-психологический потенциал населения региона следует оценивать на двух уровнях — социально-психологической среды и социально-психологического здоровья, которые органически взаимосвязаны между собой, но имеют самостоятельные обозначения (рис. 2).

Социально-психологическая среда региона — сложившиеся в регионе условия для развития потенциала и его реализации, детерминирующие социально обусловленные заболевания и социальную адаптацию населения. Социально-психологическая среда региона

Рис. 2. Паттерн социально-психологического потенциала региона

формируется под воздействием сложившихся в нем социальной напряженности, урбанизации, гендерного равенства и морально-правовых норм.

Успешность адаптации населения к социально-психологической среде региона отражает его состояние здоровья. Здоровье населения не сводится лишь к констатации отсутствия болезней и недомогания. В соответствии с определением ВОЗ, «здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов» [25]. Социально-психологическое здоровье населения региона — это состояние населения региона, определяемое способностями населения противостоять воздействию стрессовых факторов и адаптироваться в социуме; социальной активностью населения; осознанием принадлежности к определенной культуре и принятием ее системы ценностей (установок) и выборе образа жизни.

Ввиду многомерности и субъективности понятия социально-психологического потенциала региона существует проблема не только методологического характера, но и методического — формализации представленного паттерна потенциала. Для решения этой проблемы разработана методика оценки социально-психологического потенциала региона.

Методика оценки социально-психологического потенциала региона

Методика оценки социально-психологического потенциала региона основана на расчете индекса. Ее содержание заключается в агреги-

ровании имеющейся информации о составляющих социально-психологического потенциала региона для получения его интегрированной количественной оценки. Предполагаемая иерархичная модель интегрального индекса социально-психологического потенциала региона представлена на рис. 3.

Построение интегрированной количественной оценки в виде индекса состоит из пяти последовательных этапов.

1. Сбор и обработка первичных данных. Оценка производится по показателям, отслеживаемым Федеральной службой государственной статистики, Министерством внутренних дел РФ, Центральным научно-исследовательским институтом организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ и Центральной избирательной комиссией РФ.

2. Нормирование расчетных индикаторов. Поскольку индекс социально-психологического потенциала региона неоднороден по своему составу, то есть содержит «положительные» и «отрицательные» индикаторы, полученные расчетные значения индикаторов следует преобразовать так, чтобы зависимость значений индекса и соответствующего индикатора соответствовала его условной «положительности» или «отрицательности». Это означает, что чем больше значение положительного индикатора, тем больше должно быть значение индекса, и наоборот — чем больше значение отрицательного индикатора, тем меньше должен быть индекс. Поэтому если индикатор является условно положительным, его расчетное значение вычисляется на основе формуле:

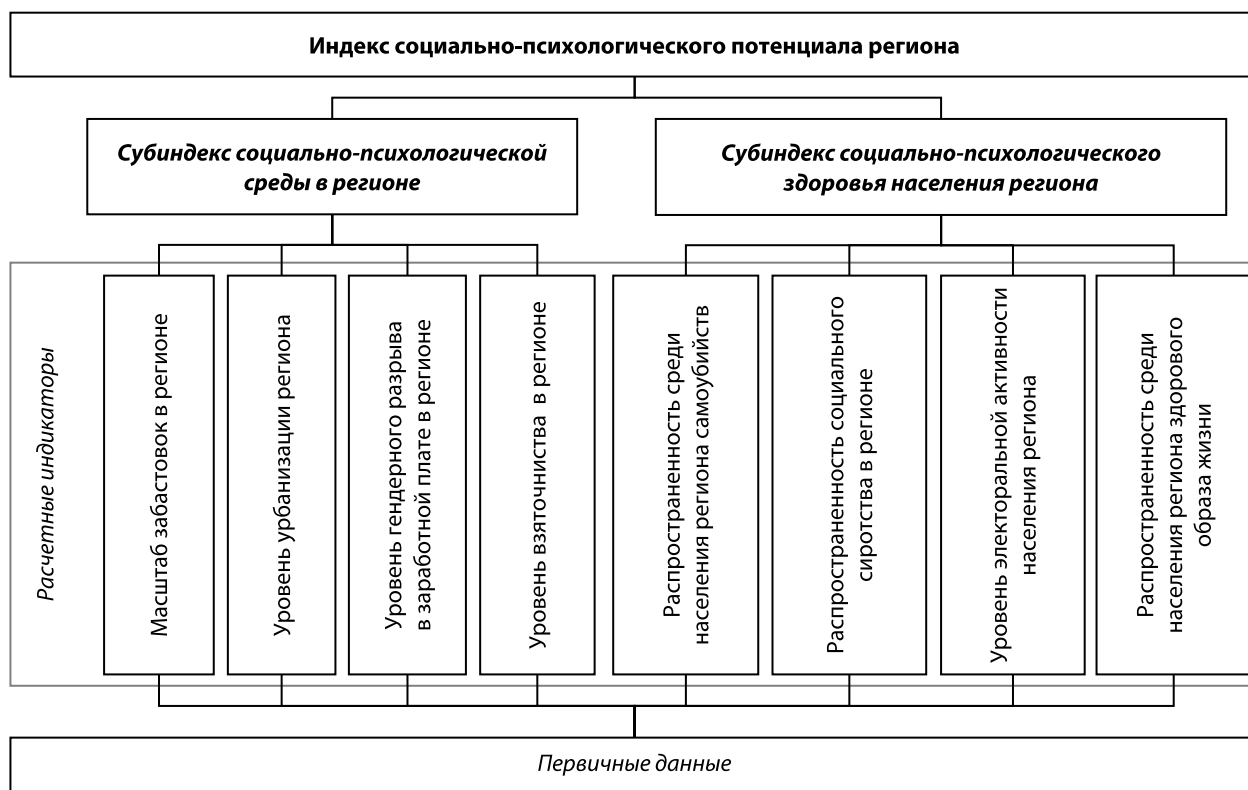

Рис. 3. Иерархическая модель интегрального индекса социально-психологического потенциала региона

$$I_{ij} = \frac{X_{ij}^P - X_{i\_min}}{X_{i\_max} - X_{i\_min}}, \quad (1)$$

где I_{ij} — расчетное значение i -го индикатора j -го региона, отн. ед.; X_{ij}^P — значение i -ого «положительного» индикатора j -го региона, именованные ед.; X_{i_min} — минимальное значение i -го индикатора среди регионов, именованные ед.; X_{i_max} — максимальное значение i -го индикатора среди регионов, именованные ед.

В противном случае, значение индикатора рассчитывается по формуле:

$$I_{ij} = 1 - \frac{X_{ij}^N - X_{i\_min}}{X_{i\_max} - X_{i\_min}}, \quad (2)$$

где X_{ij}^N — значение i -го «отрицательного» индикатора j -го региона, именованные ед.

3. Определение весовых коэффициентов. Индикаторы потенциала региона включаются в модель с определенным весом, который характеризует их роль в формировании потенциала. Весовые коэффициенты индикаторов рассчитываются на основании экспертных оценок по методу анализа иерархий.

4. Вычисление значений субиндексов и интегрального индекса. Все индикаторы и весовые коэффициенты агрегируются в интегральный индекс, который рассчитывается по следующей формуле:

$$I = \sum_{i=1}^m w_i I_{ij}, \quad (3)$$

где I — значение интегрального индекса социально-психологического потенциала региона, отн. ед.; w_i — весовой коэффициент i -го индикатора; m — число индикаторов социально-психологического потенциала региона.

5. Ранжирование регионов по значению индекса. Диапазон изменения индекса находится в пределах от 0 до 1. Максимальное значение интегрального индекса характеризует полное использование социально-психологического потенциала региона, остальные значения индекса разбиваются по шести уровням потенциала.

Анализ взаимосвязей между уровнем общественного здоровья и благосостоянием населения регионов России

Апробация разработанной методики проводилась по 83 субъектам РФ за 2013 г. Результаты оценки показали, что ни один субъект РФ полностью не реализует свой потенциал (рис. 4). Республики Северного Кавказа (республики Чеченская, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесская) имеют удовлетворительный уровень потенциала. Практически все субъекты, вошедшие в эту группу, располагают как относительно благоприятной социально-психо-

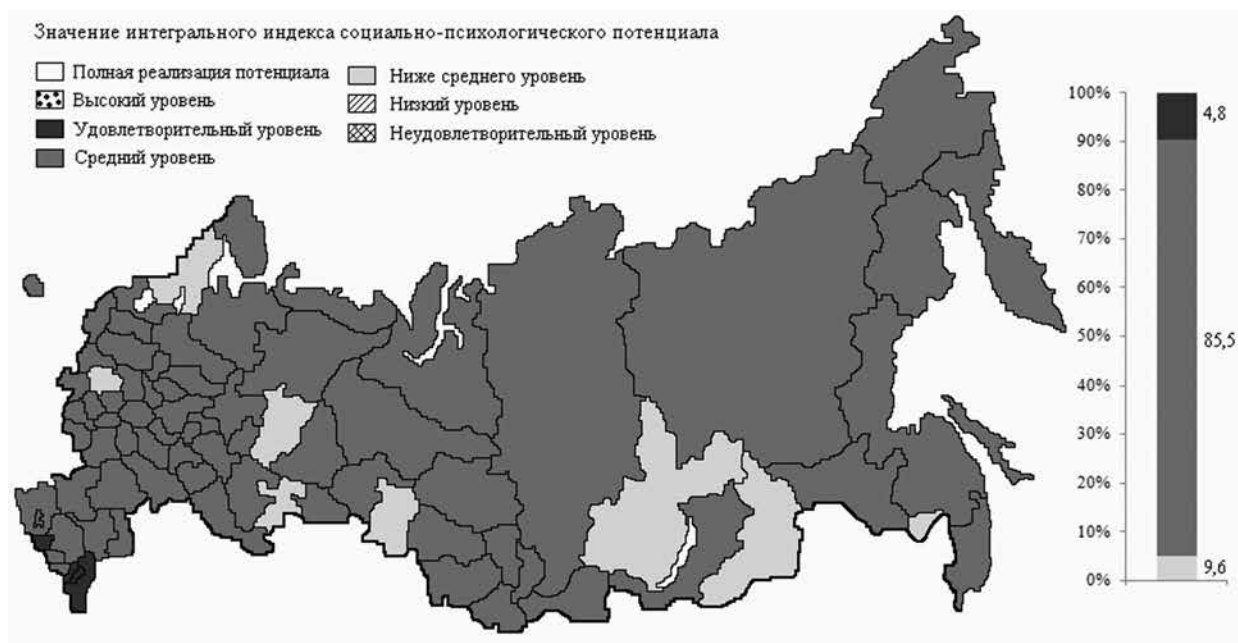

Рис. 4. Интегральный индекс социально-психологического потенциала и распределение субъектов РФ по его значению

логической средой, так и сравнительно высоким социально-психологическим здоровьем населения. Исключение составили республики Дагестан и Карачаево-Черкесская, в которых наблюдается высокий уровень гендерного разрыва в заработной плате. Большинство субъектов РФ (85,5%) относятся к среднему уровню социально-психологического потенциала. Пермский, Забайкальский края, Республика Карелия, Иркутская, Калужская, Челябинская, Омская области и Еврейская автономная область занимают последние места в рейтинге и имеют уровень потенциала ниже среднего. В первую очередь на оценку потенциала в выделенных субъектах РФ повлияла неудовлетворительная социально-психологическая среда.

Для выявления взаимосвязей между уровнем общественного здоровья и благосостоянием населения регионов России необходимо выстроить структуру самого понятия «благосостояние». В настоящее время вопрос о содержании данной категории остается открытым. В зависимости от аспекта, учитываемого в составе благосостояния, можно выделить 4 группы теорий [26]:

1) теории, рассматривающие благосостояние как результат справедливости распределения результатов экономической деятельности;

2) теории, определяющие благосостояние как результат эффективного размещения и использования ресурсов: средств и предметов труда, рабочей силы;

3) теории, рассматривающие благосостояние как синтез эффективного размещения (использования) ресурсов и справедливости

распределения результатов экономической деятельности;

4) комплексные теории благосостояния.

На основе анализа существующего методического инструментария оценки уровня благосостояния [27] можно предположить, что наиболее достоверными являются комплексные подходы, учитывающие множество сфер жизни человека и развития территории. В связи с этим положением была разработана авторская методика диагностики благосостояния. При этом оценка благосостояния производится с позиции личности и территории проживания как взаимосвязанных и нераздельных сфер функционирования экономики региона. Авторская трактовка категории, которая учитывает наиболее полный перечень составляющих, выделяемых на сегодняшний день в научной литературе в структуре благосостояния личности и территории проживания, приведена в таблице.

В соответствии с представленной в таблице структурой благосостояния подобраны восемь индикаторов и выявлены характер и сила взаимосвязей между ими и уровнем социально-психологическим потенциалом субъектов РФ на основе построения корреляционных матриц. При анализе результатов получен ряд закономерностей и взаимосвязей между благосостоянием и общественным здоровьем населения региона (рис. 5).

В качестве одного из индикаторов духовного модуля отобран уровень абортов. Помимо медицинского и репродуктивного аспектов этого показателя, число абортов отражает

Характеристика модулей диагностики благосостояния личности и территории

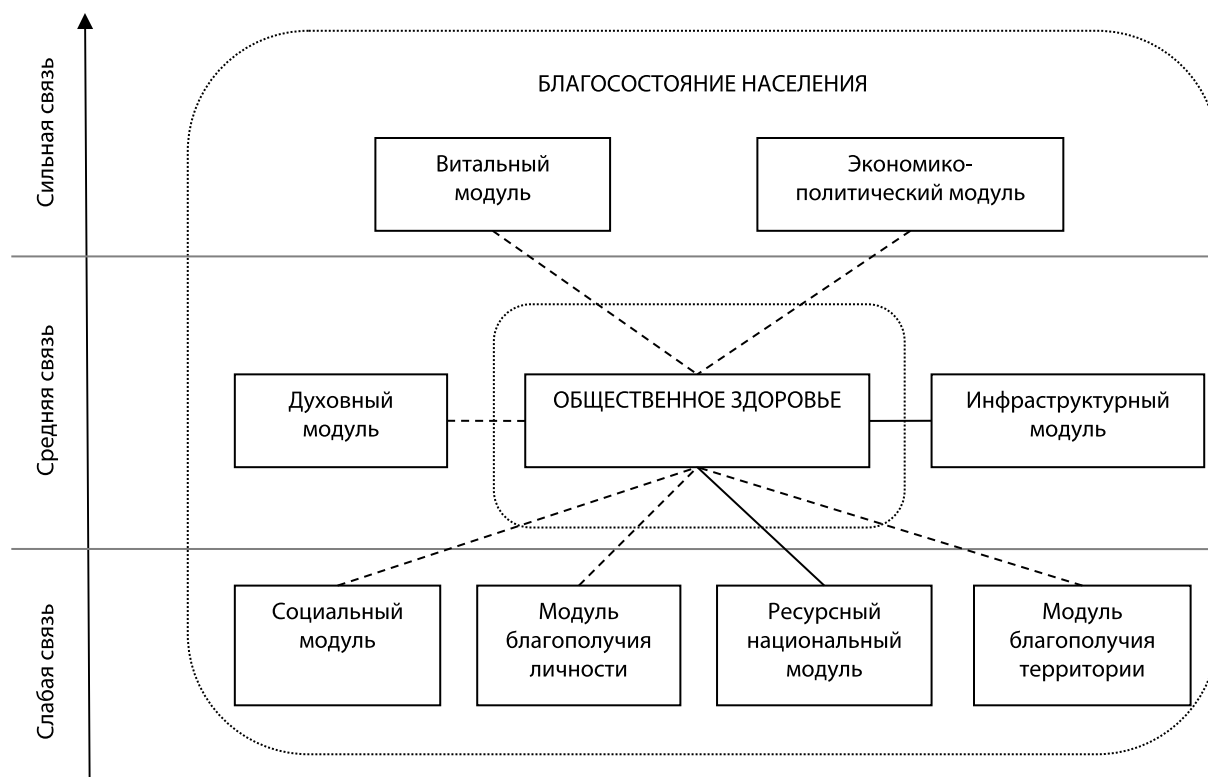
Модуль	Содержание
<i>Диагностика благосостояния личности</i>	
Духовный	Модуль оценивает самую субъективную сторону категории благосостояния — уровень нравственного, религиозного, интеллектуального, эстетического развития личности
Витальный	Модуль позволяет учесть в обобщенной оценке уровня благосостояния такие жизненно необходимые условия, как обеспеченность продовольствием, экологическое и эпидемиологическое благополучие, а также уровень насилия против личности
Социальный	Модуль оценивает достигнутый уровень социального благополучия, которое выражается в обеспечении здоровья населения, достойных жилищных условий, доступности социального обслуживания, достаточных денежных доходов и минимального уровня безработицы
Благополучия (I)	Модуль позволяет оценить обеспеченность населения финансовыми ресурсами, жильем и другим имуществом, учет данных факторов необходим, поскольку именно достаточный их уровень формирует запас прочности в условиях влияния кризисных явлений
<i>Диагностика благосостояния территории</i>	
Ресурсный национальный	Модуль оценивает как ресурсный потенциал территории, так и уровень национальной безопасности, проблемы миграции
Экономико-политический	Модуль включает степень участия государства в экономической жизни страны, а также обеспечение безопасности через борьбу с преступностью и теневой экономикой
Инфраструктурный	Модуль учитывает эффективность взаимосвязи отдельных видов инфраструктуры территории: транспортной, рыночной, информационной, коммунальной и др.
Благополучия (II)	Модуль оценивает эффективность экономики территории в целом, бюджетной сферы и уровень развития рынка высокотехнологичной продукции

Источник: [27].

также нравственные, религиозные, этические ориентиры личности. С 1 января 2012 г. вступила в силу поправка к Федеральному закону «Об охране здоровья граждан РФ», согласно которой женщине, решившей прервать беременность, даются «дни тишины». Эта поправка появилась во многом благодаря представителям Русской православной церкви, которые настаивали на более жестких мерах по борьбе с абортными [28]. В России за 2000–2013 гг. произошло существенное снижение числа прерываний беременности с 169 до 50 абортов на 100 родов, то есть на 70,4%. Однако уровень распространенности абортов до 2000 г. являлся настолько высоким, что до сих пор продолжает оставаться значительным. Несмотря на то, что число абортов во многом зависит от материального положения населения [29–30], в 2009 г. в связи с развитием экономического кризиса не отмечалось увеличения количественных показателей прерывания беременности. Такую тенденцию отчасти можно объяснить эффективностью проводимых профилактических мероприятий по снижению абортов, в т. ч. выполнением мероприятий Президентской программы «Мать и дитя» на 2007–2011 гг. [31]. Тем не менее, для России характерна довольно существенная региональная дифференциация показателей зарегистрированных абортов. Прослеживается

увеличение уровня абортов с юго-запада на север-восток страны: от самого низкого в Северо-Кавказском и Центральном федеральных округах до самого высокого в Дальневосточном федеральном округе [32]. На основе проведенного корреляционного анализа выявлена средняя обратная связь между уровнем социально-психологического потенциала субъектов РФ и числом абортов.

Установлена сильная обратная корреляционная зависимость между уровнем социально-психологического потенциала и показателем витального модуля — уровнем смертности населения в трудоспособном возрасте, особенно среди мужчин. За годы экономического подъема наметилась в России благоприятная тенденция сокращения смертности населения, но в то же время она продолжает оставаться высокой. В 2013 г. каждый четвертый умерший находился в трудоспособном возрасте (25,6%). Смертность мужчин в трудоспособных возрастах чутко реагирует на изменение внешней ситуации, в 2008 г. эта доля увеличилась. Качество жизни является главным фактором улучшения здоровья и снижения уровня смертности населения, поскольку оно создает условия (среду обитания) для развития всех остальных факторов роста общей и санитарной культуры, заботы о здоровье, для улуч-

Рис. 5. Корреляционная связь между уровнем общественного здоровья и благосостоянием населения регионов России (примечание: сплошной линией обозначена прямая связь, пунктирной линией — обратная связь)

шения окружающей среды. Именно через повышение качества жизни возможно снизить стресс, связанный с безработицей и неуверенностью в завтрашнем дне. В то же время значимой статистической зависимости между уровнем социально-психологического потенциала и показателями асоциального поведения (алкоголизмом, наркоманией, которые являются основными причинами смертности в трудоспособном возрасте [33-34]) не установлено.

Тесной корреляции между показателями социального модуля — среднедушевым денежным доходом населения и уровнем социально-психологического потенциала — субъектов РФ не отмечено. Однако в 2009 г. в условиях кризиса снизилась положительная динамика доходов, и произошло некоторое усиление взаимосвязи. Глобальный финансовый кризис обозначил новые формы бедности, что сказалось на настроениях населения. Появилось различие в понятии «бедность» бедности «слабых» и бедности «сильных». Бедность «слабых» — это социальная бедность, которая требует внимания в любом обществе. Бедность «сильных» возникает в условиях, когда работники лишаются возможности за счет своего труда обеспечить общепринятый уровень благосостояния [35].

Слабая корреляционная связь установлена между уровнем потенциала и показателем

благоустроенности жилищного фонда, характеризующим модуль благополучия личности. При инерционности показателя общей площади благоустроенного жилищного фонда особенно заметно интенсивное развитие жилищной сферы в республиках Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Алтай, Сахалинской области и Ненецком АО, в которых за счет «эффекта низкого старта» общая площадь благоустроенного жилищного фонда, приходящаяся на одного жителя, за 2000–2013 гг. возросла более чем в 2 раза (при среднероссийском росте 136%).

Согласно теории человеческого капитала, миграция населения основана на рациональном сравнении мигрантом имеющегося качества жизни с возможным его изменением в районе предполагаемого вселения и оценке ожидаемой выгоды от такого перемещения. Другими словами, неудовлетворительное качество жизни в регионе формирует отрицательный миграционный баланс в нем. Однако значимой статистической зависимости между индикатором общественного здоровья и уровнем миграционной активности населения, определяющим ресурсный национальный модуль, не выявлено.

Социально-психологический потенциал населения отражается на экономико-политической обстановке в обществе. В результате корреляционного анализа установлена тесная об-

ратная связь между уровнем потенциала и уровнем преступности. Следует отметить рост уровня преступности почти во всех субъектах за 2002–2006 гг. и некоторое снижение значения этого показателя начиная с 2007 г. При этом явных закономерностей в формировании уровня преступности с позиций уровня социально-экономического развития региона не прослеживается. Так, в 2013 г. уровень преступности в Сахалинской области, Приморском и Забайкальском краях составил более 2500 случаев на 100 тыс. чел. населения.

В качестве основного показателя инфраструктурного модуля рассмотрен показатель густоты автомобильных дорог. Мобильность, подвижность населения, доступность транспортных услуг, безопасность и экологичность транспорта — это условия обеспечения высокого качества жизни в современном обществе [36–37]. Сеть автомобильных дорог Центрального, Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов характеризуется достаточно развитой сетью, в 2013 г. густота автодорог с твердым покрытием составила свыше 200 км на 1000 км², что обусловлено, прежде всего, географическим положением.

Четкой зависимости между составляющими социально-психологического потенциала и благополучием территории не прослеживается, что подтверждает корреляционный анализ индекса социально-психологического потенциала и уровня ВРП субъектов РФ. Высокий финансовый потенциал субъектов РФ сам по себе не гарантирует высокий социально-психологический потенциал. Лидеры в рейтинге по социально-психологическому потенциалу расположились по уровню ВРП в следующем порядке: Ханты-Мансийский АО — 19-е место, г. Москва — 23-е, г. Санкт-Петербург — 34-е. Это, в частности, свидетельствует о несбалансированности экономической и социальной сфер этих субъектов РФ. Однако это не означает, что финансовые факторы не должны приниматься в расчет при повышении социально-психологического потенциала субъекта, особое значение имеет стратегия распределения имеющихся финансовых средств. Более высокие финансовые возможности социальной сферы отдельных субъектов РФ позволили обеспечить относительно высокие значения по социально-психологическому потенциалу.

Выводы

Результаты проведенного исследования взаимосвязи между благосостоянием и общественным здоровьем населения России показали, что материальное благополучие и финансовые ресурсы региона не гарантируют благоприятную среду и удовлетворительное социальное самочувствие населения. Более сильные взаимосвязи установлены с модулями благосостояния, которые определяют субъективное восприятие населением своей среды обитания. Поэтому повышение качества жизни широких слоев населения (в первую очередь социально незащищенных категорий), а также снижение негативных влияний социально-экономических детерминант (прежде всего безработицы и расслоения населения по уровню доходов) снизят стресс и неуверенность в завтрашнем дне. Данные результаты подтверждают многочисленные социологические опросы. В частности исследование «Индекс счастья российских городов» выявило, что уровень материального благополучия не является решающим фактором в социально-психологическом состоянии россиян. Важным критерием являются такие показатели, как экология, уровень безопасности и ощущение перемен к лучшему. Первую строчку рейтинга занял Грозный, Москва оказалась лишь на 52-м месте, Санкт-Петербург — на 16-м, Екатеринбург — на 49-м¹.

Исследование общественного здоровья позволяет увидеть тенденции развития общества и уровень адаптации населения к существующим социально-экономическим и политическим условиям в России. Тем более что сегодня российское общество вновь оказалось на пороге преобразований, которые будут определять вектор его дальнейшего развития. Всплеск патриотических настроений в социуме, отмечаемый в первой половине 2014 г. (удачное проведение Олимпийских игр, присоединением Крыма), ситуация вокруг событий на Украине, введение санкций против РФ отразятся на общественном здоровье, а значит, и на благосостоянии населения регионов России.

¹ Исследование «Индекс счастья российских городов» провело Мониторинговое агентство NewsEffector совместно с Фондом региональных исследований «Регионы России» [38].

Благодарность: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00574 «Информационно-аналитическая система „Антикризис“: диагностика регионов, оценка угроз и сценарное прогнозирование с целью сохранения и усиления экономической безопасности и повышения благосостояния России»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Римашевская Н. М. Человек и реформы. Секреты выживания. — М.: ИСЭПН РАН, 2003. — 392 с.
2. Kopp M., Skrabski A., Szedmak S. Psychosocial risk factors, inequality and self-rated morbidity in a changing society // *Social Science and Medicine*. — 2000. — Vol. 51. — P. 1351-1361.
3. Cockerham W. C. Health and Social Change in Russia and Eastern Europe. — New York and London: Routledge, 1999. — 284 p.
4. Величковский Б. Т. Значение социального стресса и эффективной трудовой мотивации в формировании образа жизни и состояния здоровья населения России // *Вестник Российской академии медицинских наук*. — 2007. — № 5. — С. 41-48.
5. Величковский Б. Т. Реформы и здоровье населения страны. Пути преодоления негативных последствий. — М.: РГМУ, 2001. — 36 с.
6. Валиахметов Т. Р. Здоровье как интегральный показатель качества жизни // *Российский экономический интернет-журнал*. — 2006. — № 4 (01.10.06 — 31.12.06). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2006/Valiahmetov.pdf> (дата обращения: 20.01.2015).
7. Морев М. В. Социальное здоровье российского общества. Тенденции и проблемы // *Проблемы развития территории*. — 2014. — № 5 (73). — С. 28-46.
8. Морев М. В., Любов Е. Б. Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств // *Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз*. — 2011. — №6(18). — С. 119-130.
9. Neutayer E. Are socioeconomic factors valid determinants of suicide? Controlling for national cultures of suicide with fixed-effects estimation // *Cross-Cultural Research*. — 2003. — Vol. 37. — № 3. — P. 307-329.
10. Yang B. The economy and suicide. A time-series study of the USA // *American Journal of Economics and Sociology*. — 1992. — Vol. 51. — № 1. — P. 87-99.
11. Римашевская Н. М. Русский крест // *Природа*. — 1999. — № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/06_99/RUSSDEMO.HTM (дата обращения 22.01.2015).
12. Красильникова М. Д. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // *Проблемы прогнозирования*. — 2003. — № 2. — С. 124-134.
13. Левада Ю. Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. — 1998. — № 6. — С. 7-13.
14. Балацкий Е. В. Методы диагностики социального самочувствия населения // *Мониторинг общественного мнения*. 2005. № 3. — С. 47-53.
15. Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998) // *Социологические исследования*. — 2001. — № 6. — С. 53-66.
16. Иванов В. Н. Социальное самочувствие россиян // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. — 2004. — № 1. — С. 73-79.
17. Петухов В. В. Социальное самочувствие россиян // *Вестник Российской академии наук*. — 2007. — Т. 77. — № 6. — С. 492-497.
18. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // *Социологические исследования*. — 2010. — № 3. — С. 45-49.
19. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. — 2009. — №1. — С. 33-42.
20. Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Количественная оценка макropsихологического состояния современного российского общества // *Психологический журнал*. — 2007. — Т. 8. — № 4. — С. 23-34.
21. Yurevich A. V., Ushakov D. V. Quantitative estimate of the macropsychological state of modern Russian society // *Psychology in Russia: State of the Art*. — 2009. — Т. 2. — С. 35-56.
22. Морев М. В., Попова В. И. Социально-экономические аспекты нравственного состояния общества // *Экономическое возрождение России*. — 2010. — № 2 (24). — С. 120-129.
23. Попова В. И., Морев М. В. Динамика нравственного состояния населения регионов Северо-Западного федерального округа // *Регион. Экономика и социология*. — 2011. — №2. — С. 158-174.
24. Колесникова Н. А. Финансовый и имущественный потенциал региона. Опыт регионального менеджмента. — М.: Финансы и статистика, 2000. — 240 с.
25. Preamble to the Constitution of the World Health Organization as adopted by the International Health Conference // *Official Records of the World Health Organization*. — 1948. — No. 2. — P. 100.
26. Лебедева Н. Н., Гуревич С. Е. Благополучие, его факторы и показатели // *Известия Волгоградского государственного технического университета*. — 2004. — № 4. — С. 54-63.
27. Трансформация теоретико-методологических подходов и методического инструментария диагностики благополучия личности и территории проживания. Ч. 1. От распространенных до альтернативных подходов к диагностике. История вопроса / Куклин А. А., Найдёнов А. С., Никулина Н. Л., Тарасьева Т. В. // *Экономика региона*. — 2014. — №3. — С. 22-36.
28. Кузнецова Т. В. Медико-социальные факторы, определяющие репродуктивное поведение женщин в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. — М., 2011. — 26 с.
29. Шелехов И. Л., Берестнева О. Г., Ясюкевич Ю. В. Анализ факторов, определяющих демографическую ситуацию в Сибирском федеральном округе // *Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН*. — 2013. — № 3-1 (91). — С. 131-135.
30. Султанаева З. М., Шебаев Г. А., Шарафутдинова Н. Х. Динамика общего коэффициента рождаемости в Республике Башкортостан // *Теория и практика достижений современной медицины*. — 2011. — С. 24-26.

31. Мустафина Г. Т. Возрастные показатели уровня абортот по муниципальным образованиям Республики Башкортостан // *Современные проблемы науки и образования*. — 2014. — № 4. — С. 309.
32. Сакевич В., Денисов Б. Перейдет ли Россия от аборта к планированию семьи? // *Демоскоп Weekly*. — 2011. — № 465-466. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/tema04.php> (дата обращения: 20.01.2015).
33. Андреев Е. М., Жданов Д. А., Школьников В. М. Смертность в России через 15 лет после распада СССР. Факты и объяснения // *SPERO*. — 2007. — №6. — С. 115-142.
34. Иванова Е. И. Смертность российских мужчин // *Социологические исследования*. — 2010. — №5. — С. 87-99.
35. Пак О. А. Тенденции в развитии благосостояния экономических субъектов в условиях глобального финансового кризиса // *Terra Economicus*. — 2010. — Т. 8. — № 2-3. — С. 26-30.
36. Корякова Е. А. Методическое обеспечение программ развития транспортного комплекса региона // *Проблемы современной экономики*. — 2013. — № 2. — С. 218-221.
37. Саралидзе А. М., Доничев О. А. Формирование автодорожной инфраструктуры как инструмента межрегиональной экономической интеграции // *Вестник Финансового университета*. 2014. — №1(89). — С. 36-47.
38. Шумов И. Индекс [не]счастья // *Геополитика*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.геополитика.рф/2012_02/120916shumov_indeks_ne-schastja.pdf (дата обращения: 20.01.2015).

Информация об авторах

Куклин Александр Анатольевич (Екатеринбург, Россия) — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: alexkuklin49@mail.ru).

Васильева Елена Витальевна (Екатеринбург, Россия) — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: elvitvas@ya.ru).

A. A. Kuklin, E. V. Vasilyeva

Welfare And Public Health Of The Population Of Russia: Adaptation To Economic Instability

In the article, the results of the research of correlation of welfare and public health of the population of Russia in the conditions of economic instability are presented. The review of performance indicators of development of public sentiments of society applied both in Russian and foreign practice is submitted. The concept content of the "social and psychological potential of a region" as an indicator of public health of the population is opened. On the basis of this concept, the potential pattern is created. The evaluation method of social and psychological potential of a region is developed, its main idea is an integrated assessment of both the potential of a region in general and its separate components. The assessment of the condition of potential in territorial subjects of the Russian Federation is given. Character and power of correlation between indicators of welfare and level of social and psychological potential of territorial subjects of the Russian Federation on the basis of development of correlation matrixes are revealed, also, the regional consistent patterns and tendencies are determined.

Keywords: welfare, population, public health, social and psychological potential, regions of Russia

Acknowledgement: The research has been prepared with the support of RSF (project No. 14-18-00574 "Information and analytical "Anti-crisis" system: region's assessment, threat assessment and an assessment of threats and scenario forecasting for the purpose of maintaining and strengthening of economic security and increase of welfare of Russia").

References

1. Rimashevskaya, N. M. (2003). *Chelovek i reformy: Sekrety vyzhivaniya [A person and reforms: Survival secrets]*. Moscow, ISEPN RAN [Institute for Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences], 392.
2. Kopp, M., Skrabski, A. & Szedmak, S. (2000). Psychosocial risk factors, inequality and self-rated morbidity in a changing society. *Social Science and Medicine*, 51, 1351-1361.
3. Cockerham, W. C. (1999). *Health and Social Change in Russia and Eastern Europe*. New York and London: Routledge, 284.
4. Velichkovskiy, B. T. (2007). Znachenie sotsialnogo stressa i effektivnoy trudovoy motivatsii v formirovanii obraza zhizni i sostoyaniya zdorovya naseleniya Rossii [Value of a social stress and effective labor motivation in development of mode of life and state of health of the population of Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk [Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences]*, 5, 41-48.
5. Velichkovskiy, B. T. (2001). *Reformy i zdorovye naseleniya strany. Puti preodoleniya negativnykh posledstviy [Reforms and health of the population of the country. Ways of overcoming the negative consequences]*. Moscow, RGMU [The Russian State Medical University], 36.
6. Valiahmetov, T. R. (2006). Zdorovye kak integralnyy pokazatel kachestva zhizni [Health as an integrated indicator of quality of life]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal [Russian economic Internet journal]*, 4, (01.10.06 — 31.12.06). Available at: <http://www.e-rej.ru/Articles/2006/Valiahmetov.pdf> (date of access: 20.01.2015).
7. Morev, M. V. (2014). Sotsialnoye zdorovye rossiyskogo obshchestva. Tendentsii i problemy [Social health of the Russian society. Tendencies and problems]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of development of a territory]*, 5(73), 28-46.
8. Morev, M. V. & Lyubov, Ye. B. (2011). Sotsialno-ekonomicheskiy ushcherb vsledstvie smertnosti naseleniya ot samoubiystv [Socio-economic damage as a result of the population mortality from suicides]. *Ekonomicheskie i sotsialnyye peremeny. Fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes. Facts, tendencies, forecast]*, 6(18), 119-130.

9. Neumayer, E. (2003). Are socioeconomic factors valid determinants of suicide? Controlling for national cultures of suicide with fixed-effects estimation. *Cross-Cultural Research*, 37, 3, 307-329.
10. Yang, B. (1992). The economy and suicide. A time-series study of the USA. *American Journal of Economics and Sociology*, 51,1, 87-99.
11. Primashevskaya, N. M. (1999). Russkiy krest [Russia Cros]. *Priroda [Nature]*, 6. Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/06_99/RUSSDEMO.HTM (date of access: 22.01.2015).
12. Krasilnikova, M. D. (2003). Izuchenie sotsialnykh nastroyeniy i potrebitelskogo povedeniya naseleniya Rossii [Study of social moods and consumer behavior of the population of Russia]. *Problemy prognozirovaniya [Forecasting problems]*, 2, 124-134.
13. Levada, Yu. (1998). Indeksy sotsialnykh nastroyeniy v «norme» i v krizise [Indexes of social moods is «norm» even in crisis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsialnyye peremeny [Monitoring of the public opinion. Economic and social changes]*, 6, 7-13.
14. Balatskiy, Ye. V. (2005). Metody diagnostiki sotsialnogo samochuvstviya naseleniya [Methods of diagnostics of social well-being of the population]. *Monitornig obshchestvennogo mneniya [Monitoring of the public opinion]*, 3, 47-53.
15. Voronin, G. L. (2001). Sotsialnoye samochuvstvie rossiyan (1994–1996–1998) [Social well-being of Russians (1994–1996–1998)]. *Sotsiologicheskoye issledovanie [Sociological research]*, 6, 53-66.
16. Ivanov, V. N. (2004). Sotsialnoye samochuvstvie rossiyan [Social well-being of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsialnyye peremeny [Monitoring of the public opinion. Economic and social changes]*, 1, 73-79.
17. Petukhov, V. V. (2007). Sotsialnoye samochuvstvie rossiyan [Social well-being of Russians]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, Vol. 77, 6, 492-497.
18. Mikhaylova, L. I. (2010). Sotsialnoye samochuvstvie i vospriyatie budushchego rossiyanami [Social well-being and perception of the future by Russians]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya [Sociological research]*, 3, 45-49.
19. Belyaev, L. A. (2009). Uroven i kachestvo zhizni. Problemy izmereniya i interpretatsii [Level and quality of life. Problems of measurement and interpretation]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya [Sociological research]*, 1, 33-42.
20. Yurevich, A. V., Ushakov, D. V. & Tsapenko, I. P. (2007). Kolichestvennaya otsenka makropsikhologicheskogo sostoyaniya sovremennoy rossiyskoy obshchestva [Quantitative assessment of the macropsychological state of modern Russian society]. *Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, Vol. 8, 4, 23-34.
21. Yurevich, A. V., & Ushakov, D. V. (2009). Quantitative estimation of the macropsychological state of modern Russian society. *Psychology in Russia: State of the Art*, Vol. 2., 35-56.
22. Morev, M. V. & Popova, V. I. (2010). Sotsialno-ekonomicheskie aspekty npravstvennogo sostoyaniya obshchestva [Socio-economic aspects of the moral condition of society]. *Ekonomicheskoye vozrozhdenie npravstvennogo sostoyaniya obshchestva [Economic revival of Russia]*, 2(24), 120-129.
23. Popova, V. I. & Morev, M. V. (2011). Dinamika npravstvennogo sostoyaniya naseleniya regionov Severo-Zapadnogo federalnogo okruga [Dynamics of a moral condition of the population of regions of the Northwest Federal District]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya [Region. Economy and Sociology]*, 2, 158-174.
24. Kolesnikova, N. A. (2000). *Finansovyy i imushchestvennyy potentsial regiona: opyt regionalnogo menedzhmenta [Financial and property capacity of a region: experience of regional management]*. Moscow, Finansy i statistika [Finance and statistics], 240.
25. Preamble to the Constitution of the World Health Organization as adopted by the International Health Conference (1948). *Official Records of the World Health Organization*, 2, 100.
26. Lebedeva, N. N. & Gurevich, S. Ye. (2004). Blagosostoyanie, ego faktory i pokazateli [Welfare, its factors and indicators]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [News of the Volgograd State Technical University]*, 4, 54-63.
27. Kuklin, A. A., Naydyonov, A. S., Nikulina, N. L. & Tarasyev, T. V. (2014). Transformatsiya teoretiko-metodologicheskikh podkhodov i metodicheskogo instrumentariya diagnostiki blagosostoyaniya lichnosti i territorii prozhivaniya. Ch. 1. Ot rasprostranennykh do alternativnykh podkhodov k diagnostike. Istoriya voprosa. [Transformation of the theoretical and methodological approaches and methodical tools of the diagnostics of a person welfare and territory of accommodation. P.1. From common to alternative approaches to diagnostics. Historical background]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 3, 22-36.
28. Kuznetsova, T. V. (2011). *Mediko-sotsialnyye faktory, opredelyayushchie reproduktivnoye povedenie zhenshchin v sovremennykh usloviyakh: avtoref. dis. ... kand. med. nauk [The medico-social factors defining reproductive behavior of women in modern conditions: published summery of a PhD thesis]*. Moscow, 26.
29. Shelekhov, I. L., Berestneva, O. G. & Yasyukevich Yu. V. (2013). Analiz faktorov, opredelyayushchikh demograficheskuyu situatsiyu v Sibirskim federalnom okruge [The analysis of the factors defining a demographic situation in Siberian Federal District]. *Byulleten Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra SO RAMN [Bulletin of the East Siberian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences]*, 3-1(91), 131-135.
30. Sultanayev, Z. M., Shebayev, G. A. & Sharafutdinova, N. Kh. (2011). Dinamika obshchego koeffitsienta rozhdamosti v Respublike Bashkortostan [Dynamics of the general birth-rate in the Republic of Bashkortostan]. *Teoriya i praktika dostizheniy sovremennoy meditsiny [Theory and practice of advances of modern medicine]*, 24-26.
31. Mustafina, G. T. (2014). Vozrastnyye pokazateli urovnya abortov po munitsypalnym obrazovaniyam Respubliki Bashkortostan [Age indicators of the abortion level in municipalities of the Republic of Bashkortostan]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern issues of science and education]*, 4, 309.
32. Sakevich, V. & Denisov, B. (2011). Pereydyot li Rossiya ot aborta k planirovaniyu semyi? [Dose Russia switch from abortion to a family planning?]. *Demoskop Weekly*, 465-466. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/tema04.php> (date of access: 20.01.2015).
33. Andreyev, Ye. M., Zhdanov, D. A. & Shkolnikov, V. M. (2007). Smertnost v Rossii cherez 15 let posle raspada SSSR: faktory i obyasneniya [Mortality in Russia in 15 years after collapse of the USSR: facts and explanations]. *SPERO*, 6, 115-142.

34. Ivanova, Ye. I. (2010). Smertnost rossiyskikh muzhchin [Mortality of the Russian men]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 5, 87-99.

35. Pak, O. A. (2010). Tendentsii v razvitii blagosostoyaniya ekonomicheskikh subyektov v usloviyakh globalnogo finansovogo krizisa [Tendencies in development of welfare of economic subjects in the conditions of global financial crisis]. *Terra Economicus*, Vol. 8, 2-3, 26-30.

36. Koryakov, Ye. A. (2013). Metodicheskoye obespechenie programm razvitiya transportnogo kompleksa regiona [Methodical providing of the programs of the transport complex development of a region]. *Probemy sovremennoy ekonomiki [Issues of modern economy]*, 2, 218-221.

37. Saralidze, A. M. & Donichev, O. A. (2014). Formirovanie avtodorozhnoy infrastruktury kak instrumenta mezhregionalnoy ekonomicheskoy integratsii [Development of road infrastructure as an instrument of interregional economic integration]. *Vestnik Finansovogo universiteta [Bulletin of the Financial University]*, 1(89), 36-47.

38. Shumov, I. Indeks [ne]schastya [Index of [un] happiness]. *Geopolitika [Geopolitics]*. Available at: http://www.геополитика.рф/2012_02/120916shumov_indeks_ne-schastja.pdf (date of access: 20.01.2015).

Information about the authors

Kuklin Aleksandr Anatolyevich (Yekaterinburg, Russia) — Doctor of Economics, Professor, Head of the Centre for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: alexkuklin49@mail.ru).

Vasilyeva Elena Vitalyevna (Yekaterinburg, Russia) — PhD in Economics, Research Assistant, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: elvitvas@ya.ru).